

С.Г. Селиванова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ЛОГИКЕ РАННИХ СТОИКОВ

Анализируются концептуально-теоретические, историко-антропологические особенности имени собственного в философии ранней Стои. Заключается, что Имя принадлежит «чистым смыслам» лишь формально. Оно отличается от предикатов, которые выражают собой событийно-номадические структуры языка. Имя, напротив, образует устойчивую констелляцию, своеобразную характерологию субъекта и знак и его отличия.

Ключевые слова: имя собственное; лектон; смысл; предикат; телесное; бестелесное; диалектика; обозначаемое; обозначающее; стоики.

Введение

Антропологические взгляды стоиков сложились в рамках определенной культурно-исторической ситуации. А.Ф. Лосев указывает на такие основополагающие и во многом новоявленные черты эллинизма, как космополитизм, универсализм, субъективизм, индивидуализм, единичное, осязаемость, приоритет практики над теорией, этики над логикой [1. С. 8–24]. Различие между классическим эллинским и эллинистическим типами, как указывает А.С. Степанова, состоит в том, что в эллинистическо-римскую эпоху впервые встает вопрос о «существовании», в то время как Платон и Аристотель акцент ставили на сущем и его постижении, разыскивание первоначала доминирует в их познавательной установке, отсюда и разница в вопрошании классического грека и эллина эпохи эллинизма: первый задается вопросом о причине, о том «почему»; второй же ищет ответ на вопрос «как», «каким образом» [2. С. 136]. Впервые в центре философского рассмотрения оказывается конкретный и реальный человек, а учение о душе, детально и подробно разработанное стоиками, как считает А.С. Степанова, позволяет говорить о психологическом аспекте их учения [3. С. 134].

Другая важная особенность стоического учения, которая определяет собой не только логическое учение и связанные с ним стратегии именования, но также физический и этический корпусы учения, – это дихотомия телесного / бестелесного. Н.С. Трубецкой, указывая на то, что философия Аристотеля не смогла преодолеть раздвоение между формой и материей, духом и природой, а у Платона дух и материя – бестелесны, считает, что для стоиков сама проблематика перестает быть актуальной, поскольку дух и материя ими полагаются телесными: «стоики признавали телесность не только души, но и самих свойств и качеств вещей, т.е. “формы” Аристотеля; мало того, сами состояния и деятельности существ, даже аффекты и добродетели души представлялись им телесными» [4. С. 42]; логика, логическое познание в том числе, «развивается непосредственно из телесного аффекта ощущения» [4. С. 42]. Таким образом, рассмотрение вопроса о статусе имени в философии стоиков затрагивает не только непосредственно логическое учение, но теорию познания стоиков, которая является своеобразной пропедевтикой ко всему учению

школы. В данной статье мы подробно остановимся на логике, в рамках которой стоики впервые различили имена собственные и нарицательные.

Имя и лектон: атрибутивная диалектика

Стоики подразделяли логику на диалектику и риторикку. Нас прежде всего интересует диалектика, которая непосредственно соотносится с «философией языка» стоиков. Так, диалектика охватывает две сферы: обозначающее и обозначаемое, где обозначающее есть знак, а обозначаемое – то, что «имеется в виду», стоики вводят понятие «лектон», которое условно можно свести к понятию «смысл» или «значение». А.А. Столяров считает, что отношение между обозначающим и обозначаемым является фундаментом стоической диалектики, он приводит трехчленное деление: знак, «обозначаемый смысл» (то, что высказывается) и, наконец, реальная чувственная предметность, раскрывающая себя в «каталептическом представлении» [5. С. 69–70]. Четырехчленное деление мы находим у Х. Штейнтала: вещь, представление, звучащее слово и лектон. А.С. Степанова также указывает на четырехчленное деление, иллюстрирующее отношение обозначаемого и обозначающего: «к трем началам, признававшимся Аристотелем, – предмет, соответствующее ему представление в душе и звук – стоики добавили еще четвертое начало – смысловую сторону речи, т.е. лектон» [6. С. 176]. Иллюстрацией этого деления является следующий фрагмент: «...обозначающим, как правило, бывает слово, например, Дион. Обозначаемое – та предметность, выявляемая в слове, которую мы воспринимаем в слове как становившуюся в нашем сознании и которую не все принимают варвары, хотя они и слышат слово. Наконец, реальный предмет – это внешний объект, например сам Дион» [7. Фр. 166]. А.Ф. Лосев дает эпистемологию слова лектон: «*adjectivum verbale* (т.е. отглагольное прилагательное), от греческого глагола *legein*, обозначающего не только процесс говорения, но и нечто более осмысленное, а именно процесс «имения в виду» [1. С. 105]. Таким образом, в качестве слова имя собственное, например Теон, – это знак, Теон как субъект – предмет (денотат) и, наконец, Теон как мыслимая предметность – лектон.

Различение обозначающего и обозначаемого имеет еще одну немаловажную составляющую: если звук, предмет и представление для стоиков телесны, то

лектон бестелесен. Лектон лишен онтологического статуса, это «как-бы-бытие». В этой связи стоики, для которых бытием в полной мере обладает только телесное, говорят о невозможности лектон каким-либо образом влиять на телесное – вещь, предмет, ощущения и представления, поскольку «все воздействующее – это тело» [7. Фр. 140]; речь идет о некотором уподоблении, телесное порождает и влияет на телесное, бестелесное – на бестелесное. Таким образом, не являясь частью бытия, лектон лишь при-частен ему посредством человеческой речи, сама речь может быть определена только через лектон, она представляет собой сугубо осмысленно-человеческий способ сообщения и общения «человек отличается от неразумных животных не внешней [произносимой] речью, – ибо вороны, попугаи и сорок тоже издают членораздельные звуки, – а внутренней» [7. Фр. 135]; в другом месте: «...тот, кто начинает говорить, произносит отдельные буквы и прочие звуки задолго до того, как научится расставлять все по своим “местам”... это еще не речь, но “как бы” речь. Ведь подобно тому как изображение человека не является человеком, точно также у воронов, вороны маленьких детей, слова – это еще не [настоящие] слова, ибо они не говорят [осмысленно]» [7. Фр. 143]. Имя собственное, тем самым, в качестве знака и предметности предстает как телесность, имя как мысль о предмете получает статус бестелесного, «как-бы-бытия».

Индикатором осмысленности речи служат такие ее атрибуты, как истинность и ложность. Для стоиков принципиально отличие истинности и истины. Истинность как свойство высказывания (лектона) также бестелесна, в то время как истина обладает телесной природой, поэтому высказываем мы не истину, но истинное положение, т.е. нечто, что соответствует / не соответствует вещи или предмету, телу в тот или иной момент времени. Свойство быть истинным или ложным высказывание получает только в контексте, в то время как денотативная связь всегда телесна. Здесь логика переплетается с теорией познания – мы видим предмет, который сам по себе есть тело и истина, например Теон, предмет этот воздействует на нас и наши чувства, которые схватывают нечто от этого предмета (представление о той или иной вещи также есть истина, поскольку мы схватываем нечто посредством телесных ощущений); однако когда высказывается предметность, то она не имеет к истине никакого отношения, поскольку ее содержание не обладает аподиктической достоверностью, цельностью и неизменностью; высказывание, по сути, является реальностью совершенно другого порядка, оно опосредует собой мысль и смысл. Вывод: имя собственное в качестве лектон не есть истина и знание.

Классификация лектон на полные и неполные, или завершенные и незавершенные, призвана схематизировать различные типы и виды высказываний. А.А. Столяров, ссылаясь на свидетельства, предлагает деление лектон на неполные, выраженные либо субъектом, либо предикатом, и полные, являющиеся либо высказыванием в собственном смысле, либо высказыванием в форме вопроса, клятвы, пожелания, предположения, обращения, а также мнимые высказывания

[5. С. 73]. Отсюда, вывод: всякое имя (высказывание, выраженное только субъектом) относится к неполным лектон. Однако отличие полных и неполных касается не только формальной структуры высказывания. А.Ф. Лосев, определяя лектон как систему смысловых отношений, указывает на своего рода смысловую стратификацию, ступенчатость осмысленности, лектон – «не просто предмет высказывания, но еще и взятый в своей соотнесенности с другими предметами высказывания. Сама же эта соотнесенность может быть выражена в лектон то более ярко, то менее ярко. Если мы говорим “Сократ”, то предмет такого высказывания обязательно есть известного рода система смысловых отношений, но только система эта в данном случае неполная, несовершенная, неокончательная. Когда же мы говорим “Сократ пишет”, то в результате этого нашего словесного высказывания мы тоже получаем определенную систему смысловых отношений, но только богатую, и в некотором смысле завершенную...» [1. С. 126]. Содержательный потенциал неполных лектон образует собой несовершенную, неотчетливую мысль. Можно ли говорить здесь о мысли в становлении? Возьмем два высказывания, например «Пишет» и «Дион». Оба представляют собой неполные, незавершенные лектон. Если вернуться к ранее процитированным словам А.Ф. Лосева, то можно говорить, что и в первом, и во втором случае речь идет о наличии некоторого рода смысловых отношений, однако будут ли эти отношения качественно тождественны для высказываний «Дион» и «Пишет»? Прежде чем ответить на этот вопрос вернемся к неполным лектон.

Дошедшие до нас свидетельства фрагментарны и рождают больше вопросов, чем ответов, однако рецептивный анализ некоторых из них позволяет усомниться в данной А.А. Столяровым классификации лектон. Так, мы не найдем непосредственно того деления на субъектные (выраженные именем) и предикатные неполные лектон (выраженные глаголом). У Филона Александрийского читаем: «незавершенное бестелесное делится ближайшим образом на так называемые предикаты, приводящие и все остальное, что имеет меньшее значение» [7. Фр. 182]; у Диогена Лаэртия: «к незаконченным “лектон” относятся предикаты (*κατηγορηματα*)» [7. Фр. 183]; предикат он определяет как «то, что высказывается о чем-либо, или то, что синтаксически связывается с одной или многими вещами, или неполный лектон, в синтаксическом соединении с субъектом образующий высказывание» [7. Фр. 183]. Примеры, иллюстрирующие незавершенные лектон, как правило, предикативные: «пишет», «слышит», «видит», «разговаривает», «плыть между скал», «я слышусь», «я вижу» у Диогена Лаэртия, «жаль», «жалееет», «им жаль» у Порфирия. Однако ни один из них не приписывает имени статуса лектон, единственное упоминание, которое мы можем отнести к имени, – это цитата из Филона Александрийского: «приводящее и все остальное, имеющее меньшее значение». Таким образом, мы не можем с полным на то основанием утверждать, что высказанное имя, а тем более имя собственное всецело принадлежит лектон.

Имя собственное есть лектон?

Первое основание для сомнения возникает, когда речь заходит о противоположностях. Когда Симпликий в Комментариях к «Категориям» Аристотеля пишет, что о противоположностях говорится только в отношении смысловой предметности, он указывает на то, что только состояния могут быть противоположными [7. Фр. 173]. Состояния, в свою очередь, могут быть выражены, как предикатами, так и именами нарицательными либо простыми понятиями [7. Фр. 174]. Об именах собственных ничего не говорится. Но если рассмотреть, например, имя Дион, то вряд ли кому пришла бы мысль называть состоянием то, что выражено именем собственным. И даже если мы попытаемся вывести из имени Дион его противоположность – не-Дион, то мы сразу же попадаем в область телесного, а одна вещь никак не может быть противоположна другой вещи, поскольку в данном случае речь бы шла о различных индивидуальных качествах, об отличных индивидах, Дионе и Теоне например. Отдельного внимания заслуживает стоическая этимология. Практически все имена собственные стоики выводят из неких базовых понятийных конструктов, которые в свою очередь возникают в связи с представлением, т.е. имеют чувственную природу. Прежде всего это затрагивает божественный пантеон [7. Т. 2. Фр. 1095, 1098, 1100; 8. Т. 1. Фр. 540-542, 546, 547].

Интерес представляет определение имени, данное А.С. Степановой: «Имя – это слово, в котором закреплено понятие, оторванное от наглядно-чувственного образа вещи» [9. С. 230]; имя оказывается формальной структурной единицей, мыслью, которая нашла свое выражение в речи, не утратив родство с самой вещью. И если имя в именительном падеже, это своего рода «архетип» (*αρχέτυπον*)¹, первообраз звукового выражения [7. Фр. 164], то тем самым оно получает некоторое срединное, промежуточное положение между мыслью и вещью. Как указывает А.С. Степанова, имя все более срачивается с понятием, перестает непосредственно отсылать к вещи и становится отражением содержания мысли, опосредуя представление о вещи [9. С. 231]. Однако имя собственное сложно соотносить с понятием (*εἰς νοιά*), оно выражает скорее индивидуальное качество, уникальное своеобразие. Его невозможно причислить ни к архетипическому выражению, ни к общему понятию, ни к вещи, оно подобно крючку, на который нанизывается «субъектная» характерология. Оно остается еще во многом телесно продуцируемым образом, чувственным представлением о вещи. Когда Бенсон Мэйтс определяет имя собственное как часть речи, которая обозначает качество, принадлежащее по большей части одной индивидуальности [10. Р. 17], он одновременно фиксирует связь между телесным (знаком) и бестелесным (лектон), которые, по идее, не могут соприкасаться, непосредственно взаимодействовать.

В примере с Сократом у А.Ф. Лосева, который мы привели ранее, само имя Сократ практически не несет смысловой нагрузки; здесь мы имеем «нулевое значение», мы не можем сказать, что это высказывание, скорее это указание на предмет, полная соотнесенность, где не может быть непонимания и многозначности. Лектон как система отношений проблематизируется в контексте многозначности и неопределенности. Высказывание «пишет» устанавливает некоторого рода точку отсчета, когда одна неопределенность генерирует новые смысловые контуры определенности, одни атрибуты отсылают к другим типам атрибутивности, обогащаясь все новыми смысловыми оттенками, такая «предметность» становится все более подвижной, динамичной, полисемантической. А поскольку лектон – это всегда смысловые отношения (А.Ф. Лосев), то имя образует скорее неподвижную структурную единицу, неизменчивую и субстанциально себе тождественную, определенный констант. Событийность, подвижность присущи предикатам, отглагольным выражениям, будь они незавершенными или завершенными, именно они образуют коннотативное поле, поле события. Субъективно-избыточный характер истолкования состояний как событий противостоит атомарности лингвистических телесностей, полноте имен. Таким образом, предикативное выражение все более дистанцируется по смыслу от имени. И если глагол как часть речи, по словам Делёза Ж., «конституирует кольцо предложения, налагая сигнификацию на десигнацию, а семантему на фонему» [11. С. 242], то имя, в том числе имя собственное, образует его ядро.

Заключение

Таким образом, вопрос относительно статуса имени собственного в логическом учении Стои пока не может быть решен определенным образом. Хотя большинство исследователей относят имя собственное к мыслимой предметности (лектон), учитывая сохранившиеся фрагменты, мы не осмеливаемся этого утверждать. Проведенный анализ имени собственного в контексте логического учения позволяет нам утверждать, во-первых, что имя собственное амбивалентно: с одной стороны, оно принадлежит лектон, хотя и формальным образом, а значит, относится к бестелесному; с другой стороны, имя собственное, в отличие от предикативных выражений, смысловые отношения практически не затрагивают, они образуют своеобразные «телосы», некоторые промежуточные телесно-бестелесные предметности, не принадлежа непосредственно ни телу, ни бестелесному. (Возможно, что именно с именами связано различие толкований лектон у отдельных авторов, когда лектон отождествляется то со знаком, то с мыслью, то с представлением².) Во-вторых, имя собственное имеет отношение к такой категории стоической физики, напрямую касающейся антропологической части учения, как индивидуальное качество, которое представляет собой определенную устойчивую систему связей внутри субъектной самореференции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Термин, который, по словам А.С. Степановой, впервые употребили стоики для обозначения первообраза речевого выражения [9. С. 224].
² Бенсон Мэйтс приводит слова Галена, который утверждает, что есть три рода нечувственных представлений: мысль (*vóησις*), общие понятия (*ἐννοιαί*) и пропозиция (*ἀξιόματα*), причем именно последнее является лектон. Секст Эмпирик также утверждает, что пропозиция – это полный лектон, и в то же время говорит о том, что индикативный знак (*indicative sign*) также является примером пропозиции [10. P. 12–13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А.Ф. Стоицизм // История античной эстетики. Ранний эллинизм. М. : Фолио, 2000. С. 97–202.
2. Степанова А.С. Критерий «существующего» и «существование» как основные парадигмы эллинистической философии // *Credo new*. 2002. № 2 (30). С. 135–145.
3. Степанова А.С. Антропология Стои: коммуникативный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. Т. 5 (10). С. 134–143.
4. Трубетской С.Н. Учение о логосе в его истории. Философско-историческое исследование. М. : Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. Т. 1. 461 с.
5. Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М. : АО Ками Групп, 1995. 444 с.
6. Степанова А.С. Философия древней Стои. СПб. : KN, 1995. 272 с.
7. Столяров А.А. Фрагменты ранних стоиков. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. Т. 2. 280 с.
8. Столяров А.А. Фрагменты ранних стоиков. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998. Т. 1. 234 с.
9. Степанова А.С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры. СПб. : Петрополис, 2012. 400 с.
10. Mates B. *Stoic logic*. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1961.
11. Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академический Проект, 2011. 472 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 8 августа 2020 г.

Anthropological Aspects of the Proper Name in the Logic of the Early Stoics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 94–97.

DOI: 10.17223/15617793/459/11

Svetlana G. Selivanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: s.selivanovamag@gmail.com

Keywords: proper name; lekton; sense; predicate; corporeal; incorporeal; dialectics; signified; signifier; Stoics.

The article analyzes the conceptual-theoretical and historical-anthropological features of the proper name in the philosophy of the Early Stoics. The problem of the genesis of the proper name is a milestone in the historical and cultural discourse of ancient philosophy. It affects both the logical and anthropological issues. Although the Stoics were interested in concepts and predicates, names and notions, the status of proper names remains unclear. This article bridges the formal and semantic gaps in the Stoic doctrine. Since this is a study of the logic of the development of philosophical knowledge concerning the very subject of the history of philosophy, the principle of the unity of the logical and the historical is used. The interpretation of concepts, terms, and theories requires applying a hermeneutic method owing to fragmented sources based on the evidence of later commentators. The proper name is considered to be part of logic, within which the Stoics were first to state the difference between proper and common names. The division of logic into dialectics and rhetoric and the further division of dialectics by spheres of thing, lekton, and sign illustrate the formal approach of the Stoics to the language. On the one hand, the name refers to an incomplete lekton, it is cogitable objectivity; plus, the name is incorporeal, which means that it is neither truth, nor knowledge. On the other hand, the name, being a condition (as cogitable objectivity), can correlate with its opposite. But, unlike predicates, concepts, and common nouns, proper names do not have such a quality. Predicates and propositions convey the connection between things, i.e. purely incorporeal liaison, while proper names connect a thing and a thought about that thing, i.e. the corporeal with the incorporeal. Therefore, the proper name does not completely coincide with lekton, it has a different substance. The name is associated with “pure sense” only technically. It confronts predicates which express event-driven nomadic structures of the language. The proper name, on the contrary, constitutes a stable constellation, a peculiar characterology of the subject and it marks his/her distinction. As a result, name ontology is designed through the relation to both the corporeal and the incorporeal; it is the Stoic “truth”, subjective “telos”, and the zero-point sense layer, a kind of *pre-sense*. All this allows claiming that the name desacralization process began in antiquity.

REFERENCES

1. Losev, A.F. (2000) *Istoriya antichnoy estetiki. Ranniy ellinizm* [History of Ancient Aesthetics. Early Hellenism]. Moscow: Folio. pp. 97–202.
2. Stepanova, A.S. (2002) Kriteriy “sushchestvuyushchego” i “sushchestvovanie” kak osnovnye paradigmy ellinisticheskoy filosofii [The criterion of “existing” and “existence” as the main paradigms of Hellenistic philosophy]. *Credo new*. 2 (30). pp. 135–145.
3. Stepanova, A.S. (2005) Antropologiya Stoi: kommunikativnyy aspekt [Anthropology of Stoicism: The communicative aspect]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 5 (10). pp. 134–143.
4. Trubetskoy, S.N. (1900) *Uchenie o logose v ego istorii. Filosofsko-istoricheskoe issledovanie* [The doctrine of logos in its history. A philosophical and historical study]. Vol. 1. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya.
5. Stolyarov, A.A. (1995) *Stoya i stoitsizm* [Stoics and Stoicism]. Moscow: AO Kami Grupp.
6. Stepanova, A.S. (1995) *Filosofiya drevney Stoi* [The philosophy of ancient Stoicism]. St. Petersburg: KN.
7. Stolyarov, A.A. (1999) *Fragmenty rannikh stoikov* [Fragments from the early Stoics]. Vol. 2. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina.
8. Stolyarov, A.A. (1998) *Fragmenty rannikh stoikov* [Fragments from the early Stoics]. Vol. 1. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina.
9. Stepanova, A.S. (2012) *Filosofiya Stoi kak fenomen ellinisticheskoy kul'tury* [Stoic philosophy as a phenomenon of Hellenistic-Roman culture]. St. Petersburg: Petropolis.
10. Mates, B. (1961) *Stoic logic*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
11. Deleuze, G. (2011) *Logika smysla* [The logic of sense]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii Proekt.

Received: 08 August 2020